

СУББОТНИЕ ВСТРЕЧИ

С хорошими актерами кино у нас порой происходят странноватые штуки. Иной раз фамилия популярного персонажа как бы накладывается на имя артиста. Мы не удивляемся, когда слышим бесхитрое: «Вчера в метро видела Штирлица». Бывает наоборот — подлинное имя артиста заслоняет фамилию героя, и тогда в «Войне и мире», выражаясь языком некоторых школьных сочинений, «Бондарчук попадает в плен к французам». И в том, и в другом случае происходит удивительное слияние личности исполнителя с его героем.

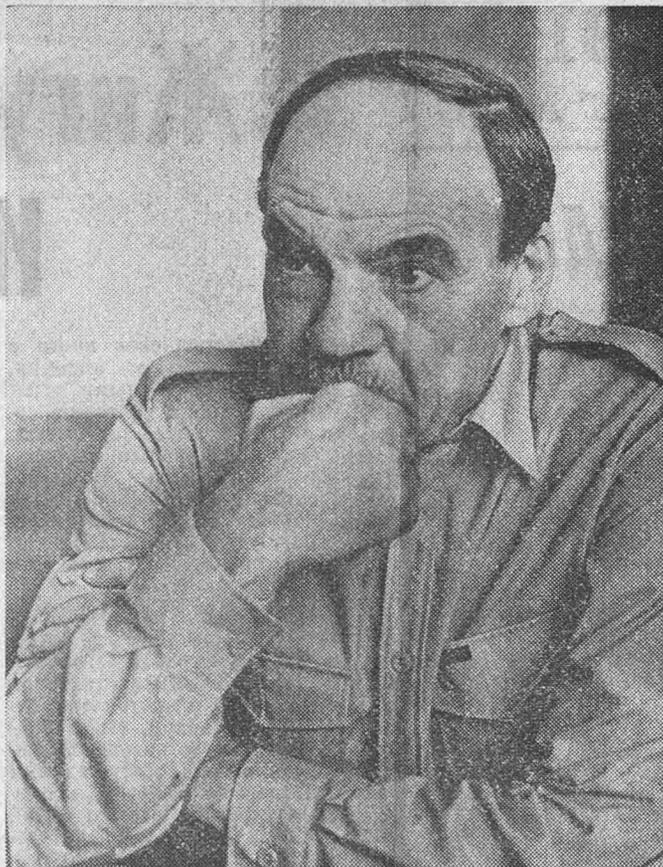
Недавно по телевидению показывали «Никудышную». Фильм, на мой взгляд, светлый и добрый, несмотря на грустный финал. Уходя из жизни, Человек и смертью своей утверждает Добро. В фильме этот человек олицетворен для нас актером Михаилом Глузским.

Дед Мельников в «Никудышной» был прежде всего Глузским, и все «глузское» было при нем: и его хмурость, и неизменные жесткие усы, и скудость жестов, и ворчливые стариковские интонации. Я пытался вспомнить, был ли Глузский когда-нибудь на экране молодым, может, он таким и родился — с усам, тронутыми седной?..

Представьте себе ЦУМ тридцатых годов. По этажам и закоулкам огромного по тем временам универмага бродит шестнадцатилетний парень в комбинезоне, со стремянкой на плече, с фибровым чемоданчиком монтера. Днем он менял перегоревшие лампочки, чинил проводку, вечером спешил в театр рабочей молодежи. Там он играл Бублика в «Платоне Кречете», человека, которому за семьдесят, играл Крутицкого в Островском, персонаж тоже зрелого возраста.

Михаил ГЛУЗСКИЙ:

«Совесть не должна принимать компромиссов»

Я спросил, каким образом роли стариков уже тогда находились именно его, Глузского?

— Тут дело было вовсе не в моих устремлениях, а в раскладке ролей в нашем коллективе. А в стариках меня привлекал момент образительности, подражательства, и я в какой-то степени копировал известные мне образцы. В самодельности это имело успех, но в артистической профессии это сначала мешало и раздражало моих учителей.

Меня тогда увлекала внешняя сторона дела — реакция зрительного зала, смех, аплодисменты. Аплодисменты мне казались пропуском на профессиональную сцену. Это было довольно превратное представление о настоящем театре.

Мнимые успехи на клубной сцене, удачное подражательство — все это дезориентировало, порождало легкомысленное представление о профессии актера.

Мне понадобилось примерно два курса школы киноактера при студии «Мосфильм», чтобы постичь главную истину: актер должен быть самим собой. Меня полтора года держали в школе под страхом отчисления. В таких условиях поневоле поймешь, что от тебя требуется — начнешь постигать закон первоуродства в искусстве. Одним словом, элемент «битья» в моем случае, несомненно, помог. И на втором курсе, после долгой полосы неудач, я резко перевалил на пятерки по актерскому мастерству.

— Вы сказали, актер должен быть самим собой. Но для этого он прежде всего сам должен быть личностью. На самом же деле актерский кругозор, житейский опыт — производные от гражданского бытия. А актер в основном бытует в довольно узком мире профессионалов.

— Да, тут есть некий парадокс. Вращаясь в кругу людей, принадлежащих одной профессии, причем профессии более или менее парадной, видимо, нельзя безнаказанно, если не обладать достаточно сильным иммунитетом к актерской «наносности». Такой иммунитет защищает от «чисто актерского» представления о том или ином характере. Я стремлюсь выражать истину

моих персонажей, людей самых «земных» профессий.

Как это происходит? Ну, во-первых, до меня материалом занимается сведущий в драматургии человек. Человек, который дает повод к размышлению, намечает вехи, чтобы возбудить желание поиска, направить фантазию актера в нужное русло. Но этого мало. Для того, чтобы освоить роль, приходится изучить много литературы, документов, фотографий, пожить в тех местах, где происходит действие. Лично я стараюсь побыть среди людей, которые потом, так сказать, интегрируются в образ. Короче говоря, происходит процесс интенсивного поиска поводов, толчков, способных стимулировать строитель-

ство характера. И все же до конца объяснить, как удается тот или иной образ, я, пожалуй, все-таки не смогу.

Я считаю, что до сих пор продолжаю учиться актерскому мастерству. Черновой процесс учебы кончился тогда, когда я стал понимать, что и как не надо делать, чего надо избегать. А как и что надо делать с каждой новой ролью, я не знаю. Ведь каждый раз надо рассказать о новой человеческой судьбе, влезать в эту новую судьбу через поступки, слова, интонации. Я перед каждой новой работой — как писатель перед чистым листом бумаги. Надежды, что режиссер, пригласивший меня сниматься, подскажет направление поиска, за редкими исключениями, у меня нет, пусть не обижаются режиссеры. Так что каждая роль — это не только радость творчества, а и мука.

К сожалению, часто предлагаются сценарии — плоды довольно убогой фантазии, написанные на выдуманных, вернее, надуманных поступках, нежизненных ситуациях. Фальшивые ходы, фальшивые слова. Мне это просто неприятно. Я заранее предвижу неудачу, которая ожидает фильм. В силу тех или иных обстоятельств иногда соглашаешься сниматься, стиснув зубы, преодолеваешь неприязнь к материалу, выкладываешься — работаешь, так уж работать без дураков. И даже если заслужишь добрые слова, комплименты по адресу своей роли, все же они не радуют.

— Однако нельзя требовать, чтобы каждый граматург, берущий в руки перо, был Гоголем. В стране, по последним данным, более чем полтора миллиона одних платных киноустановок, не говоря уже о трех программах Центрального телевидения. Эта природа не терпит вакуума, его надо чем-то заполнять. Где же вы видите выход?

— Наверное, в зрелищной стратегии не должно доминировать количество. Я за то, чтобы в сеть телевидения и кинематографа, на сценические площадки попадали только подлинно художественные работы. Пусть строже будет отбор. Лучше трижды на неделе показать добрый и верный фильм — он, по крайней мере,

не будет уродовать вкусы миллионов молодых зрителей, чем какую-то пошлятину.

Недавно телевидение показало «Только в мюзик-холле», художественный, заметьте, фильм, если верить объявлению диктора. Полтора часа соприкосновения с пошлястью. Я вовсе не против мюзик-холла, но, скажите, зачем для показа нескольких эстрадных номеров понадобилось тужиться, придумывать беспомощные коллизии, перекармливать сюжеты классических оперетт, зачем понадобилось горючить целый фильм да еще объявлять его художественным? Не проще, не честнее и не удобнее ли для зрителей было просто отнять концерт мюзик-холла? Мне было обидно соприкосновение с этим фильмом еще по одной, может быть, личной причине. Не берусь судить о достоинствах и недостатках «Никудышной», но это была попытка художественными средствами рассказать какую-то правду. И вот отснятая, озвученная, готовая лента пролежала на полках три года. А увеселительная пустышка «зеленой улицы» продефилировала на экран.

— Михаил Андреевич, у меня есть вопрос, который я стараюсь в том или ином виде задать каждому участнику наших субботних встреч: как и в чем вы ощущаете себя современником?

— Наверное, для меня главное состоит в том, чтобы всегда оставаться самим собой, чтобы мое отношение к работе, к дому, к обязанностям, которые накладывает на меня жизнь, чтобы все это не расходилось с моей совестью. Совесть не должна принимать компромиссов. Нам более или менее часто приходится слышать фразу, которой прикрывается безобразие и разгильдяйство: «Попробуйте встать на мое место!» Я всякий раз в ответ говорю: уйдите с этого места! Снимите халат или форменную тужурку и уйдите. Не издевайтесь над местом и не притесняйте свою совесть.

Совесть есть у всех людей. Но тот, кто засовывает ее под луж, не может быть моим современником.

Беседу вел
Э. ЭЛЬЯШЕВ.

Фото М. Прудникова.